

перечисленных памятников, впервые представших во всем многообразии и богатстве своего содержания и формы. Том переиздавался еще раз в 1925 г., но в него вошла лишь часть напечатанных во 2-м издании произведений, поэтому новое, 3-е издание не может заменить издания 1909 г.

Некоторые памятники, вошедшие в XIII том РИБ, были выпущены Археографической комиссией отдельными оттисками. Так, в 1907 г. были напечатаны «Новая повесть» и «Иное сказание», в 1909 г. — «Сказание» Авраамия Палицына и «Статьи о смуте из Хронографа 1617 г.», в 1910 г. — «Повесть о некоей брани, належщей на Великую Россию». В то же время в 1909 г. в Москве выходят «Памятники истории Смутного времени» под редакцией А. И. Яковлева.

В 1912 г. в Петербурге под редакцией С. Ф. Платонова и Е. Ф. Тураевой-Церетели печатается сборник «Памятники Нижегородского движения в эпоху „Смуты“ и Земского ополчения 1611—1612 гг.». В него вошли документы и ряд отрывков из различных произведений начала XVII в.

В те же годы переиздается книга Платонова и появляется ряд новых работ, посвященных памятникам и историческим деятелям начала XVII в. Такова статья П. Васенко «Дьяк Тимофеев — автор Временника».³⁷ Васенко поставил себе задачей «изучить Временник как историографическое явление, ... проследить зависимость Тимофеева от взглядов и приемов XVI в., а затем выяснить, были ли какие-нибудь новые мотивы в труде дьяка Ивана». Статья содержит немало сведений, интересных для историка литературы, но собственно литературного анализа труда Ивана Тимофеева она не дает, литературных приемов его работы не выясняет и рассматривает этот памятник главным образом как труд исторический.

В том же 1908 г. в работе В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» дается библиография по «Сказанию» Авраамия Палицына.³⁸ Ряд интересных мыслей об идейном значении «Временника» и начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына содержит статья А. Яковлева «Безумное молчание»,³⁹ рассматривающая эти произведения главным образом со стороны их публицистической направленности. Как указал С. Ф. Платонов, оба произведения имеют в этой области много общего. А. Яковлев и стремится раскрыть это общее, показывая, что эти произведения отражают «переработку общественного сознания» русских людей, переживших в начале XVII в. сложный психологический перелом. Яковлев касается и вопроса о языке изучаемых произведений, он говорит: «Источник болезненной неясности Тимофеева, одинаково мучительной для автора и для читателя, не столько, кажется, в желании что-то спрятать в намеках и что-то недоговорить, сколько в желании высказать что-то такое, что он не в состоянии выразить, в его стремлении при помощи тех слов, какими он располагает, передать не существовавшие в мышлении древнерусского человека понятия. Ему просто не хватает слов для обозначения всех вскрывшихся отношений и свойств общества».

Из двух указанных авторов Яковлев, несмотря на трудность языка, отдает предпочтение Тимофееву, называя его «Временник» «самым любопытным памятником Смутного времени». Сравнивая размышления Тимофеева с произведениями, предшествующими его труду, и со «Сказанием» Авраамия Палицына, Яковлев раскрывает постепенный ход мыслей дьяка Ивана и замечает, что «он мыслит глубже, чем авторы предыдущих сказаний». Литературной, художественной стороны произведений Яковлев совершенно

³⁷ ЖМНП, 1908, № 3, стр. 88—121.

³⁸ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 1830—1859.

³⁹ Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 651—679.